

Времени у меня оставалось от силы несколько дней. Страшно было не успеть, и я, втайне от всех, оставила пропахшее лекарством и старостью жильё и села в самолет.

Меня скоро хватятся, доложат сыну, он поймет, где я, и кинется за мной. Но будет уже поздно. Простите меня.

Я на безлюдном берегу, море этой осенью не приветливо. Жду, когда он подойдет неслышно, по обыкновению, положит руки мне на плечи, зароется лицом в мои волосы и скажет: «Ты пахнешь морем».

Впервые я увидела его накануне своего двадцатилетия. От скуки я зарывала ноги в песок. Стоял глубокий сентябрь, море пенилось, шипело, вылизывало берег, оставляло на песке тонкую прозрачную пленку, отступало и вновь яростно накатывало.

Я прибыла сюда залечивать душевную рану после неудавшегося романа. Предполагалось, что буду часами в одиночестве бродить по берегу, лежать пузом на горячем песке, что не пророню за две недели ни слова. Ожидалось, что страдать будет сладко и даже приятно. Да и как могло быть иначе, когда впереди маячила вся жизнь.

На деле уединение получилось не таким уж благостным. Песок лез повсюду, в холодную воду заходить не хотелось, да и душевная рана оказалась не такой уж глубокой и через неделю затянулась без следа под бархатным крымским солнышком.

Вспомнились приманки мегаполиса, студенческие вечеринки со свойственными им излишествами, теплая пенная ванна, домашний уют и прочие блага цивилизации.

Небо все чаще затягивалось тучами, сквозь которые солнце выглядывало изредка и лениво. Редкие отдыхающие почтенного, в моем понимании, возраста бродили по кромке воды, качались в волнах или сидели на песке в задумчивости.

Тоска.

Я пришла искупаться, но лезть в холодные волны, вздрагивать от их бесцеремонных прикосновений к животу и груди, не хотелось. Накатила, сковала лень. Я обозревала унылый пейзаж, разномастные прибрежные постройки от замков в готическом стиле до грубо сколоченных времянков, тяжелые, обкатанные морем, камни повсюду. Устала пересыпать в ладонях песок, вздохнула, закрыла глаза и подставила лицо под мягкое солнце.

На плечи опустились чьи-то прохладные ладони. Здесь меня знала разве что моя прижимистая хозяйка. Я обернулась. Он наклонился ко мне совсем близко, коснулся влажными волосами щеки и сказал:

– Ты пахнешь морем.

– Откуда такой? – спросила я, восхитившись его наглости. Он махнул рукой в сторону волн, улыбаясь и продолжая беззастенчиво разглядывать меня. Что ж, по крайней мере будет не так скучно.

Его звали Марий. Не знаю, было ли это настоящим именем. Возможно, имени у него и не было. Но это подходило ему – стремительному и гибкому, как рыбка.

Мы уплетали морских гадов в заведении под названием «Пиратская бухта», где сонные, осенние официанты сразу предупреждали, чего нет в меню по причине конца сезона. Марий, подняв вверх зажатую в кулаке вилку, рассказывал о морских обитателях так, словно знал их лично. Мы бродили, обнявшись, по бесконечному пляжу, валялись на песке, наслаждались последним в этом году солнышком и своей молодостью. Каждый вечер он провожал меня до ворот домика, где я снимала у упомянутой уже хозяйки убогую комнату. Он никогда не заходил. Я спрашивала, где он живет, он смеялся и показывал на море.

Это не было похоже на новый роман. Мы, правда, целовались, но дальше дело никогда не заходило. Марий прикасался ко мне так, точно любовался мной, осторожно пробовал на вкус. Он вдыхал мой аромат, но не присваивал меня. Словно отсутствовал в его отношении ко мне импульс, толчок, словно суть наших встреч лежала за пределами плотского удовольствия и поэтому его можно было упустить. Это было до того необычно, что я поддалась наших платонических встреч. Нежилась, таяла, но не более.

Тогда я совсем не умела плавать. По утрам Марий приводил меня к морю, заходил в воду и протягивал ко мне руки. Сам он кувыркался в волнах, как дельфин, с ним не было страшно. Я разглядывала в воде свою кожу в сетчатых бликах солнца, словно в чешуе. В то лето, едва научившись держаться на воде, ежеминутно останавливаясь, чтоб проверить, есть ли под ногами дно, я уже познала мягкие и упругие объятия моря. Оно обхватывало меня, лишало скелета и влекло, влекло за собой. Оно относилась ко мне так же, как Марий, – любя и ничего не требуя взамен, не присваивая меня, а лишь направляя. Это было восхитительно.

Закончился сезон, надо было уезжать. Я была уверена, что отношения с Марием только начинаются. Но в последний день перед отъездом

он пропал. Так я и улетела, не попрощавшись с ним, смертельно обидевшись и зафиксировав это событие для себя как курортный роман. Поставила галочку, чтоб больше не возвращаться сюда. Сказать, что мной просто попользовались, строго говоря, было нельзя. скорее наоборот. Но я была молода, амбициозна и решила навсегда вычеркнуть из памяти и этот берег, и этого парня.

Но все сложилось иначе.

Следующий год оказался для меня богатым событиями. Я окончила университет, познакомилась с будущим мужем и решила связать с ним судьбу. Он разительно отличался от всех моих прежних ухажеров-раздолбаев, был серьезен и обожал меня. Все было хорошо и шло к свадьбе.

Укутанные в Москву, мы не могли себе представить, что где-то плещется море. Мой жених был сухопутен. К воде его не тянуло. Я же этой зимой плескалась в ванне и даже записалась в бассейн. Но бассейн не заменил мягких объятий волн. Да и объятий Мария, чего греха таить, тоже.

К свадьбе все было готово, искать работу я не торопилась. Маялась от безделья, шастала по квартире, открывала время от времени шкаф, любовалась белым облаком, выбирала пригласительные, занималась прочей ерундой.

Жених мой, напротив, был сильно занят на работе и предложил мне съездить отдохнуть на море одной. Он шутил, что наступили последние мои вольные деньки и я просто обязана напоследок насладиться свободой.

Хотелось солнышка. Я выбрала шумную красавицу Ялту и сразу влюбилась в нее. Но вскоре насытилась ее парадной яркостью, дворцами, винными погребками, экскурсиями, толпами праздных отдыхающих. Я села в автобус и втайне от всех отправилась туда.

Марий подошел сразу, словно все это время только и делал, что ждал меня. Словно мы виделись вчера и прошедшего года не существовало. Он был такой же. Юный, бронзовый, похоже, в тех же шортах. Я окунулась в его внимание. Той осенью он научил меня нырять и плавать под водой. Я во все глаза разглядывала подводный мир, мягко баюкающий меня и великолепие морского дна. Время здесь текло по-другому, медленно и плавно, как вода. Казалось, я могла провести по нему рукой и почувствовать упругость волн.

Однажды под водой Марий взял меня за руку и потянул дальше, туда, где не было дна. С Марием я была в безопасности. Но чем дальше мы плыли, тем меньше в воде оставалось солнышка, тем больше было другого глубинного мира. Огромного, бездонного мира, о существовании котором я раньше не подозревала. Мне было любопытно, но страх перевесил, и в какой-то момент я забилась, беззвучно закричала, требуя вернуться.

Марий обнимал, укутывал меня на берегу, дрожащую и рыдающую от ужаса перед открывшейся неизвестностью, а я непослушными губами повторяла: «Зачем, зачем?» и сама не понимала, о чем это я.

Он же целовал мои мокрые волосы, ничего не объяснял и шептал, как заклинание: «Ты пахнешь морем».

Ночью мне снилась бездна. Я смотрела на нее со стороны, без страха, и мне вспомнилось или, возможно, только почудилось, что за секунду до того, как меня накрыл ужас, я что-то увидела во тьме. На следующий день я уехала.

В тот год родился Миша. Не думала, что буду способна так, задыхаясь от нежности, любить это крошечное существо. Целовать ему ножки, вдыхать молочный запах и молиться, молиться, чтобы все было хорошо. Мне ничего больше не было нужно. В первый его год мы были единым целым, и все померкло перед этим чудом.

Отпуск у мужа выпал на конец сентября. Он предложил вывести Мишу на море. Синоптики обещали тепло. Я рассказала мужу про тихий уголок, песчаный пляж, прозрачное море, и мы собрались. Когда Миша засыпал, а муж углублялся в дела, я выходила на берег и ждала. Но Марий не приходил. Там мы пробыли недолго. Муж откровенно скучал от безделья, и мы перебрались в курортный городишко, ходили на экскурсии, завели друзей и в целом неплохо провели время.

Весь следующий год я скучала по морю, искала, где только можно, хотя бы его частицу. Меня окружала зябкая, суетная, зимняя Москва. В вечернем метро хлюпали под ногами грязные лужи.

Бассейны, морские соли, спа – все это было рафинированно и мертво. Мне нужно было только оно, живое, непредсказуемое, несговорчивое. Песок с черными вкраплениями повсюду – на дорожках, в комнате, на ногах. Солнце в воде, жирные голосящие чайки, прожаренные на солнце отдыхающие, знающие тайну бархатного сезона, и его руки на моих плечах.

В сентябре я взяла уже подрощенного Мишу и отправилась на море. Муж вроде бы даже вздохнул с облегчением, до того не любил он пляжное безделье. С Мишей ходить по экскурсиям и узнавать что-то новое было сложно. Ему нужен был морской воздух, ленивое солнышко и теплое море.

На этот раз Марий появился. Он сразу принял меня и Мишу как единое целое. Учил его, кроху, плавать. Марий кувыркался в воде, а в его руках резвился заливался младенческим смехом мой сын. В волнах мелькали его пухлые ножки, ручки, он жмурился, отплевывался, вода стекала с его гладкой кожи. Мишу на глубину Марий никогда не звал, и я была за него спокойна.

Я же, помнящая весь год о манящей жути бездны, искала момент, чтоб расспросить Мария про нее.

Вечером я уложила Мишу и вышла на берег. Марий взял меня за руку и повел в море. Мы проплыли совсем немного, солнце еще просвечивало сквозь воду. Я даже не успела испугаться, но вспомнила о сыне, который спал один в кровати на берегу и глазами попросила Мария вернуться.

Я прилетела в Москву отдохнувшая и полная сил. Миша в ту зиму совсем не болел, и я решила каждую осень возить его в то место. Но как-то обнаружила на одном из его первых рисунков, сделанным нетвердой рукой, зажавшей карандаш в кулак и от усердия крошащей грифель в порошок, море, солнце, себя с руками-ногами-палочками, Мишу и... Мария, зарывшего лицо в мои волосы. Я спрятала рисунок от мужа и с тех пор каждый год в сентябре ездила на море одна. В семье мирились с моим чудачеством, беззлобно посмеивались над ним, но отпускали.

Мы много путешествовали всей семьей. Муж и сын с азартом познавали мир, строили планы о новых и новых поездках. Мы лазили по древним развалинам, внимали гидам, бродили по лучшим музеям. Но конец сентября неизменно был моим.

Я брала уроки у лучших дайверов мира для того, чтобы задавать им вопросы о безднах. Они рассказывали о красотах, величии, иногда опасности и страхе, но никто не говорил ни о чем, похожем на то неизведанное и желанное, что открылось мне.

Я предпринимала новые попытки спуститься в бездну, но каждый раз, когда мне уже казалось, что я что-то вижу за толстым слоем воды и надо было просто нырнуть туда вместе с Марием, каждый раз в ту минуту меня охватывал панический ужас. Передо мной вставали картины того, что могу потерять, если что-то случится, того, что было так дорого мне. Миша, муж, любое дело. Моя основная, главная жизнь, а не сказка про юношу и море. И я тянула Мария вверх, на берег. На песке он гладил меня по голове. Я просила: «Расскажи, расскажи мне, что там». Я умоляла. Мне обязательно нужно было про это знать. Он говорил: «Я правда не могу тебе этого рассказать, это невозможно. Таких слов нет. Это надо увидеть и почувствовать. Ты можешь. Доверься мне. Я всегда буду с тобой».

Моя жизнь складывалась гладко. Я преподавала, обрела заслуженность и звания. Муж мой действительно оказался порядочным и надежным человеком. Миша рос славным, умненьким мальчиком.

Внутри же я бредила морем. Я прочитала о нем все. Я знала, что может быть на дне, я видела сотни фильмов, картин, фотографий. Но все не то. ТАМ, в бездне, было нечто иное. Я читала Грина, Беляева, Кларка, Хемингуэя... Никто из них не описывал ничего подобного тому, что манило меня и от чего я в ужасе бежала.

Тем временем каждый год в сентябре происходило одно и то же. Хотя нет, не совсем. После каждой зимы я становилась немного другой. В силу возраста ли, обстоятельств ли минувшего года. А Марий не менялся. Он оставался тем же улыбчивым, поджарым юношей с кубиками на животе. Неизменным было и его бережное отношение ко мне. С какого-то момента нас стали принимать за мать с сыном, а потом, к моему огорчению, за бабушку с внуком. Да, жизнь текла и время меня не щадило. «Зачем я тебе, зачем ты возишься со мной?» – спрашивала я Мария. Он нежно обнимал мое стареющее тело и шептал, улыбаясь, одно и то же: «Ты пахнешь морем».

Он научил меня чувствовать себя в воде лучше, чем на суше. Но каждый раз, доплывая до бездны, я поворачивала обратно и твердила: «Потом, потом». Уже не страшно было за оставшегося на берегу Мишу, он давно вырос. Муж был вполне благополучен и здоров. Теперь я хваталась за остаток своей жизни. Страшно было менять его на неизвестность.

А Марий качал головой и снова крепко обнимал меня. Он никогда не торопил, не упрасивал, не настаивал. Господи, почему он этого не делал? Возможно, я решилась бы. Он же всегда просто был рядом и всегда готов был вести меня туда. Как он мог! Наверняка он знал о конечности жизни, о неотвратимом.

Сейчас, здесь, в свой последний приезд на этот берег, мне это казалось жестокостью. Я готова была проклинать Мария, бить бессильно кулаками по груди. Но у меня не было права этого делать. Ведь решение всегда было за мной. Все было правильно.

В последний год я сильно болела. Надеялась выбраться, продолжить. Не удалось. В моем распоряжении оставался крохотный и потому самый драгоценный кусочек жизни. Поэтому я была здесь.

Сентябрь в этом году выдался промозглый. Волны бились о берег, норовили добраться до меня. Я сидела на камне, ждала. Накатывала слабость, и я больше всего боялась исчезнуть сейчас, не дождавшись.

Он появился, положил руки мне на плечи, заглянул в глаза глубоко-глубоко и сразу повел меня в море. Мы никогда не купалась в шторм. Марий взял меня на руки и перенес через гряду береговых волн на глубину.

Солнца не было, и под водой скоро стало совсем темно. Мы плыли во мраке, взявшись за руки, сквозь хаос и мой ужас и видели впереди свет. Точно настоящее солнце было не в небе, а там, в глубине.

Мы спешили к нему, рассекали холодную волны и медленно приближались. Бездна раскрылась. Я все увидела. Там был мой дом. В следующее мгновение мое время закончилось.